

Международные отношения

Правильная ссылка на статью:

Лю Я. Разделение ролей Китая и России в ШОС: Стратегия балансирования региональной безопасности и экономического развития // Международные отношения. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0641.2025.2.74302 EDN: IAPDIB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74302

Разделение ролей Китая и России в ШОС: Стратегия балансирования региональной безопасности и экономического развития

Лю Янь

аспирант; кафедра теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 1019492339@qq.com

[Статья из рубрики "РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНФИГУРАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ"](#)

DOI:

10.7256/2454-0641.2025.2.74302

EDN:

IAPDIB

Дата направления статьи в редакцию:

28-04-2025

Дата публикации:

05-05-2025

Аннотация: Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) представляет собой уникальную платформу евразийского взаимодействия, ориентированную на синхронизацию региональной безопасности и экономического прогресса. Центральный фокус исследования — стратегическое взаимодействие Китая и России в рамках ШОС, где каждая страна реализует специализированные функции, основанные на конкурентных преимуществах. Россия, активизируя исторический опыт в сфере геополитической стабильности, концентрируется на противодействии терроризму, миротворчестве и укреплении границ. Китай, используя экономический потенциал, продвигает проекты в области транспортной инфраструктуры, цифровизации и энергетических сетей. Подчеркивается роль "двухколесной модели" ШОС, которая

интегрирует безопасность и экономику в единый управленческий механизм. Особое внимание уделяется трансформации организации в инструмент переформатирования глобального порядка через призму интересов развивающихся стран. Исследование сочетает качественный анализ документов ШОС с компаративным изучением теоретических концепций Яня Сюэтуна и А. Дугина. Применены методы кейс-стади и экспертные интервью для верификации гипотез. Исследование впервые интегрирует китайскую и российскую теоретические парадигмы для деконструкции управленческой модели ШОС. Установлено, что комплементарность ролей Москвы и Пекина создает инновационный формат «асимметричной синергии», где сочетание силового и экономического ресурсов минимизирует конкуренцию и максимизирует функциональность организации. Научная новизна проявляется в концептуализации ШОС как «гибридного института», трансформирующего нормы глобального управления через баланс реализма (безопасность) и либерализма (развитие). Практические выводы подчеркивают: 1) эффективность «двухколесной» модели для интеграции разноуровневых экономик, 2) потенциал ШОС как лаборатории постзападного миропорядка, где сочетаются национальный суверенитет и коллективные блага. Показано, что институциональная гибкость ШОС позволяет нивелировать противоречия между геополитикой и геоэкономикой, предлагая развивающимся странам алгоритм «мягкой балансировки» против однополярности.

Ключевые слова:

ШОС, Китай, Россия, стратегическое сотрудничество, балансирование, механизмы консенсуса, безопасность, политика, экономика, глобальное управление

Введение

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), ключевая евразийская многосторонняя платформа с 2001 года, балансирует между региональной безопасностью и экономическим развитием. Китай и Россия, как основатели, сформировали взаимодополняющую модель: Россия фокусируется на безопасности через Региональную антитеррористическую структуру (РАТС), усиливая борьбу с терроризмом, контроль границ и стабильность. Китай, используя экономический потенциал, продвигает торговлю, энергетику и инфраструктуру, интегрируя инициативу «Пояс и путь» и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ). По данным АБИИ (2023), китайские инвестиции в страны ШОС превышают 30% глобальных, включая железную дорогу Китай-Кыргызстан-Узбекистан и казахстанские фотоэлектрические станции. Россия, через учения «Мирная миссия» и экспорт технологий, повысила эффективность перехвата беспилотников до 85% (Московский центр Карнеги, 2023). Такое разделение отражает ресурсные различия и стратегические приоритеты: Россия укрепляет безопасностный дискурс, Китай расширяет экономическое влияние, формируя синергию «безопасность-экономика» в рамках ШОС.

Теоретическая база: Теоретические основы китайско-российского стратегического сотрудничества

15 июня 2001 года в Шанхае (Китай) состоялось первое заседание Совета глав государств-членов ШОС. На нем главы государств Китая, России, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана подписали Декларацию о создании ШОС, объявив об официальном учреждении ШОС. 7 июня 2002 года в Санкт-Петербурге

состоялось второе заседание Совета глав государств, на котором были подписаны три важных документа: Хартия Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Соглашение о Региональной антитеррористической структуре (РАТС) и Декларация глав государств-членов ШОС. Декларация глав государств-членов ШОС и три других важных документа заложили основу для институционализации и легализации ШОС. ШОС постепенно превратилась из механизма диалога по вопросам безопасности границ во всеобъемлющую региональную организацию, охватывающую широкий спектр политических, экономических и культурных областей^[1].

Моральный реализм Янь Сюэтуна стал важной теоретической инновацией в китайской школе международных отношений. Концепция синтезирует традиционный политический реализм с нормативной этикой, интегрируя категорию «морали» в анализ власти. Сохраняя базовые принципы реализма (международная анархия, конкуренция сил, приоритет национальных интересов), теория расширяет их морально-ценностным измерением. Ключевая идея заключается в том, что государственная политика должна сочетать принудительные меры с принципами легитимности. Справедливость, ответственность и доверие — эти ценности не только реализуют национальные интересы, но и укрепляют стратегическую легитимность международных действий^[2]. Точка зрения Янь Сюэтуна согласуется с целями ШОС, направленными на укрепление доверия и сотрудничества между государствами-членами в различных областях^[3]. Китай в рамках ШОС реализует инициативу «Пояс и путь», основанную на принципе взаимной выгоды. Проекты, такие как Новый азиатско-европейский континентальный мост и экономические коридоры Китай-Монголия-Россия и Китай-Пакистан, укрепляют глобальные связи. К концу 2023 года объем китайских инвестиций в странах «Пояса и пути» превысит 300 миллиардов долларов, что подтвердит взаимосвязь экономического сотрудничества и стратегического доверия^[4].

Неоевразийство российского ученого А.Г.Дугина обеспечивает теоретическую поддержку для анализа стратегии России. Его основные положения включают: 1) многополярный институциональный баланс: построение «дезападного» регионального порядка с помощью таких механизмов, как ШОС и Евразийский экономический союз (ЕАЭС), 2) геочивилизация: подчеркивание роли России как цивилизационного посредника в евразийском «сердце» и 3) дуализм безопасности и экономики, вложенный в рамки ШОС^[5]. В рамках ШОС Россия, возглавляя Контртеррористический центр РАТС, провела 11 транснациональных учений «Мирная миссия» (2017–2022 гг.), охватив 80% границ членов организации, параллельно развивая энергетическое сотрудничество через Энергетический клуб — это демонстрирует институциональную взаимодополняемость в достижении региональной стабильности.

Моральный реализм Янь Сюэтуна подчеркивает сочетание силы и морали, объясняя логику предоставления Китаем общественных благ в рамках инициативы «Пояс и путь» для повышения своей стратегической легитимности. В то же время новое евразийство Дугина акцентирует намерение России сохранить геополитическое влияние через сотрудничество в области безопасности. Уникальность китайско-российского сотрудничества заключается в механизме институционального гнездования, где ШОС объединяет систему развития под руководством Китая с системой безопасности под руководством России. Ведя совместную деятельность, ШОС создает двойной двигатель безопасности и экономики, позволяя Китаю обменивать капитал и технологии на доступ к рынкам в Центральной Азии, а России управлять безопасностью в обмен на право устанавливать цены на энергоносители. Энергетический клуб ШОС и связанные с ним

проекты, такие как фотоэлектрический проект в Казахстане и соглашение о безопасности нефте- и газопроводов в Каспийском море, иллюстрируют это сотрудничество.

Теоретические подходы Янь Сюэтуна и Дугина не только объясняют мотивацию двух стран, но и формируют концептуальный каркас для анализа их взаимодействия в рамках ШОС.

Разделение ролей: дифференцированное сотрудничество в области безопасности и экономики

Цыганков А. П. отметил, что у ШОС имеется одна существенная особенность: она нацелена на борьбу со терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, незаконный оборот наркотических средств^[6]. С момента своего создания в 2001 году Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) уделяет особое внимание вопросам безопасности и борьбы с терроризмом. Россия в силу своего статуса учредителя и геостратегических преимуществ продолжает укреплять эффективность взаимодействия ШОС в сфере безопасности по трем направлениям: правовое строительство, совместные действия и технические разработки. В день основания ШОС в июне 2001 года государства-участники подписали Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, в которой впервые на международной арене четко определены три силы и выдвинуты конкретные направления, методы и принципы борьбы с ними. Впервые в мире дано четкое определение «трех сил» и выдвинуты конкретные направления, методы и принципы борьбы с ними^[7]. В условиях эволюции угроз безопасности Россия, опираясь на опыт борьбы с терроризмом в Сирии, взяла на себя инициативу по включению новых положений об управлении кибертерроризмом в новую редакцию конвенции в 2017 году, чтобы модернизировать и обновить свои правовые инструменты борьбы с терроризмом. В условиях меняющейся ситуации в Афганистане Россия инициировала создание в 2018 году Группы связи ШОС-Афганистан, которая к 2023 году скоординировала 17 раундов совместных консультаций государств-членов, эффективно интегрируя ресурсы региональной безопасности.

Под руководством России учения «Мирная миссия» ШОС с участием 5500 военных из 8 государств-членов ШОС (2021). В учениях участвовали вертолеты Ми-8, разведывательные самолеты Су-24МР, истребители-бомбардировщики Су-34 и военно-транспортные самолеты Ил-76^[8]. Операция ФСБ «Паутина» (2019) уничтожила наркосеть в ЦА, изъяв \$228 млн и лишив террористов финансирования, а РАТС в 2022 году предотвратил 12 атак через ежедневный обмен 500+ сводок. Россия экспортирует антитеррористические технологии: СОПМ-3 в Таджикистане (2021) нейтрализовал группу ИГИЛ и 37 экстремистов, казанский учебный центр подготовил 2 809 спецназовцев при 83% успешной аттестации, а комплекс «Инсект Репеллент» (2023) с эффективностью 91,7% блокирует дроны на границах Казахстана. Эти меры подтверждают лидерство России в укреплении многоуровневой безопасности ШОС.

В рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) Китай с его огромным экономическим объемом, инициативами стратегического сотрудничества и многомерной экономической дипломатией стал центральной силой в продвижении региональной экономической интеграции и развития. Будучи второй по величине экономикой мира, Китай не только укрепил свои экономические связи с государствами-членами, углубив торговое, инвестиционное, энергетическое, финансовое и технологическое сотрудничество, но и постепенно сформировал многостороннюю сеть сотрудничества с Евразийским континентом в качестве своего внутреннего пространства, что имеет

двойное значение как для геополитического, так и для экономического развития.

Китай является ключевым экономическим партнером Центральной Азии благодаря масштабному рынку. В 2022 году товарооборот с региональными странами достиг 70,2 млрд долларов, а прямые инвестиции к марту 2023 года составили более 15 млрд долларов ^[9]. Торговая структура между Китаем и Центральной Азией взаимодополняема: Китай импортирует сырьевые ресурсы, такие как нефть и хлопок, и экспортирует промышленную продукцию. Развиваются трансграничные инфраструктурные проекты, такие как контейнерные поезда, которые значительно сокращают время доставки. Это усиливает потенциал региональной торговли и создает устойчивую логистическую сеть. Китай активно развивает многостороннее сотрудничество в рамках ШОС и инициативы «Пояс и путь», интегрируя национальные стратегии стран-участниц для создания синергии в инфраструктурных и экономических проектах ^[10]. В энергетике ключевыми достижениями стали газопроводы «Восточный» (38 млрд м³/год) и «Центральная Азия–Китай», а также «зелёные» проекты: солнечная электростанция в Пакистане (900 МВт) и казахстанская ВЭС «Занатас», что укрепляет технологический экспорт Китая ^[11]. Финансовое взаимодействие включает расчёты в юанях (свыше 70% в торговле с Россией) и координацию АБИИ с Банком развития ШОС для диверсификации финансирования ^[12]. В области цифровой экономики Huawei, ZTE и другие компании разворачивают сети 5G и системы «умных городов» для России и стран Центральной Азии, чтобы способствовать региональной цифровой интеграции.

Выбор государством инклюзивной стратегии балансирования зависит от расчёта выгод и стремления к легитимности — это демонстрирует российско-китайское сотрудничество в ШОС, направленное на сдерживание глобального влияния США и продвижение общих интересов через институциональные механизмы ^[13].

Перспективы углубления роли ШОС в сфере безопасности и развития зависят от степени совпадения национальных интересов государств-членов, подкрепляемых внешними факторами. Способность организации формировать региональную экономико-политическую архитектуру останется ограниченной и поэтапной ввиду геополитической неоднородности Центральной Азии, Южной Азии и Ближнего Востока. Дискуссии о трансформации ШОС в структуру натовского типа носят гипотетический характер, а их реалистичность будет определяться эволюцией американо-китайских и американо-российских отношений ^[14].

В целом, Китай и Россия демонстрируют взаимодополняющее разделение ролей: Пекин фокусируется на экономической интеграции через инфраструктурные проекты («Пояс и путь»), «зелёную» энергетику и финансовые инициативы (расчёты в юанях, АБИИ), тогда как Москва укрепляет безопасностную повестку, обеспечивая военно-политическую стабильность в регионе. Россия, как ключевой гарант безопасности ШОС, усиливает координацию в борьбе с терроризмом, киберугрозами и транснациональной преступностью, проводя совместные учения (например, «Мирная миссия») и развивая правовую базу для антикризисного реагирования. Такая синергия позволяет Китаю консолидировать экономическое лидерство, минимизируя геополитические риски, а ШОС — эволюционировать от преимущественно безопасности-ориентированной платформы к многополярному институту, сочетающему экономику, политику и безопасность. Для устойчивой интеграции Пекину необходимо балансировать амбиции «мягкой силы» с учётом интересов партнёров, особенно России, чьё доминирование в вопросах безопасности остаётся стратегическим противовесом западному влиянию в Евразии.

Стратегическое значение: демонстрационный эффект в глобальном управлении

Пекин и Москва видят преимущества формирования Большого евразийского сообщества незападного типа для защиты своих основных интересов и делают ставку на природные ресурсы и экономический потенциал региона для укрепления своей власти и влияния в переходе от однополярного к многополярному миру^[15]. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), являясь многосторонней платформой под совместным руководством Китая и России, продемонстрировала свое стратегическое значение как на региональном, так и на глобальном уровнях и обладает уникальным демонстрационным эффектом в продвижении новой модели глобального управления. Ниже приводится всесторонний анализ ШОС по пяти направлениям: философия, механизм, практика, расширение и вдохновение.

Во-первых, концептуальная инновация, основанная на Шанхайском духе, изменила нормы международных отношений. Шанхайский дух взаимного доверия, взаимной выгоды, равенства, консультаций, уважения к различным цивилизациям и стремления к общему развитию, за который выступают Китай и Россия, разрушил гегемонистскую логику и мышление игры с нулевой суммой в традиционных международных отношениях^[16]. Например, ШОС не создает военных союзов в рамках сотрудничества в области безопасности, а фокусируется на нетрадиционных вопросах безопасности, таких как борьба с терроризмом и наркотиками, и создает структуру управления «общей безопасностью» с помощью таких документов, как Шанхайская конвенция по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Этот неконфронтационный способ сотрудничества, особенно нашедший отражение в институционализации Договора о добрососедских отношениях, дружбе и сотрудничестве между Китаем и Россией^[17], предоставил международному сообществу новый путь к разрешению конфликтов путем консультаций на равных. На сложном геополитическом фоне российско-украинского конфликта приверженность Китая и России принципу «неприсоединения и ненаправленности против третьих сторон» еще раз подчеркивает инклюзивность и устойчивость этой концепции.

Во-вторых, создавая многоуровневые механизмы, Китай содействует поиску путей институционализации глобального управления. ШОС, возглавляемая Китаем и Россией, создала трехмерную структуру сотрудничества, охватывающую четыре основные области - политику, безопасность, экономику и гуманитарные науки. На правовом уровне Хартия ШОС^[18] и Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов Шанхайской организации сотрудничества установили нормы многостороннего сотрудничества в соответствии с принципами международного права на основе Устава ООН^[19], на исполнительном уровне разделение труда от Совета глав государств до отраслевых совещаний обеспечивает согласованность действий от принятия стратегических решений до реализации проектов. Типичным примером являются совместные антитеррористические военные учения «Мирная миссия»: этот механизм, первоначально возникший на основе двустороннего сотрудничества между Китаем и Россией, впоследствии был расширен до регулярной многосторонней операции, охватывающей все страны-члены, что не только укрепляет региональный антитеррористический потенциал, но и позволяет избежать деликатных споров о военном союзе. Подобные инновационные механизмы служат образцом «гибкого и прагматичного» институционального дизайна для глобального управления.

В-третьих, ШОС отвечает на глобальные вызовы путем прагматичного сотрудничества и предоставляет разнообразные общественные блага. В сфере безопасности ШОС с

момента своего создания подписала более 1400 документов, 46 процентов из которых связаны с сотрудничеством в области безопасности, а «Тяньшаньская серия» контртеррористических операций под руководством ШОС позволила существенно ограничить проникновение экстремистских сил в Центральную Азию. В экономической сфере Китай и Россия продвигают «Пояс и путь» и Евразийский экономический союз, а также создали Демонстрационную зону местного экономического и торгового сотрудничества Китай-ШОС, благодаря чему объем торговли стран-участниц за 20 лет вырос в 100 раз, а доля в мировом объеме торговли увеличилась с 5,4 % до 17,5 % [\[20\]](#). Перед лицом глобальных проблем, таких как изменение климата, ШОС выдвинула такие инициативы, как «Энергетический клуб» и «Цифровой Шелковый путь», например принятие в 2023 году «НАБИИоска сотрудничества по возобновляемым источникам энергии между государствами-членами ШОС», что не только служит потребностям развития региона, но и восполняет пробелы в предложении существующей системы международного управления. Этот ориентированный на спрос способ экспорта общественных благ не только служит потребностям регионального развития, но и восполняет дефицит предложения в сложившейся системе международного управления. Эта модель экспорта общественных благ, ориентированная на спрос, подчеркивает потенциал коллективных действий развивающихся стран.

В-четвертых, стратегия расширения ломает западный центризм и перестраивает модель многостороннего сотрудничества: после присоединения Индии и Пакистана в 2017 году ШОС охватывает почти половину населения мира с четвертью общего ВВП, образуя огромную сеть сотрудничества по всей Европе и Азии. Это расширение - не просто «расширение лагеря», а органичная интеграция, основанная на общих требованиях безопасности и развития: Индия, будучи ключевым партнером в «Индо-Тихоокеанской стратегии» США, все же выбирает углубленное участие в ШОС, что подтверждает инклюзивность механизма. В отличие от системной конфронтации, вызванной расширением НАТО на восток, включение в ШОС новых членов, таких как Иран, на основе принципа «консенсуса» демонстрирует жизнеспособность непринудительной, неидеологической многосторонности. Как подчеркивается в декларации Самаркандского саммита 2022 года, его целью является построение «нового типа международных отношений» посредством «диалога между равными» - путь, который является прямым противовесом возглавляемому Западом управлению «малого круга». Этот путь - прямое средство защиты от возглавляемого Западом управления «малого круга» [\[21\]](#).

В-пятых, он дает практическое вдохновение для реформирования системы глобального управления. Сотрудничество Китая и России в рамках ШОС показывает, что отношения великих держав могут выйти за рамки «ловушки Фукидида»: две страны координируют свои позиции посредством регулярных встреч глав государств и совместных заявлений, но всегда сохраняют стратегическую автономию. Эта модель «совместного управления, но не сосуществования» служит ориентиром для решения сложных проблем в отношениях между Китаем, США, Европой и Россией. Более глубокое вдохновение кроется в изменении логики управления: во-первых, от «определения ценностей» к «сотрудничеству, ориентированному на решение проблем», как, например, принятие ШОС стран с разными политическими системами для совместной борьбы с терроризмом; во-вторых, от «устанавливающих правила» к «соблюдающим правила»; и, в-третьих, от «устанавливающих правила» к «соблюдающим правила». от «устанавливающего правила» к «формирующему правила», например, продвижение системы расчетов в местных валютах, чтобы бросить вызов гегемонии доллара США; в-третьих, от «центра-периферии» к «сети узлов В-третьих, от «центра-края» к «сети узлов», ШОС свяжет

БРИКС, АСЕАН и другие механизмы в качестве узла для формирования децентрализованной системы управления. Во время саммита G20 в Нью-Дели в 2023 году государства-члены ШОС совместно потребовали, чтобы развивающиеся страны имели больше права голоса в международных финансовых институтах, что еще больше усилило этот запрос на изменения.

Таким образом, парадигма управления, формируемая Китаем и Россией через ШОС, является неконфронтационной, инклюзивной и прагматичной, служит совпадению их стратегических интересов (например стабильности и энергетической безопасности в Центральной Азии) и предоставляет странам «Глобального Юга» варианты сотрудничества, отличные от западной модели за счет институциональных инноваций и концептуального экспорта. В то время, когда односторонний подход набирает обороты, а геополитические расколы углубляются, ценность этого эксперимента заключается не только в его результатах, но и в том, что он доказывает возможность сосуществования множества цивилизаций - как сказал Генеральный секретарь ШОС Чжан Минь: «Пока мир ищет направление в разгар разногласий, мы доказали, что другой путь все еще существует. существует».

Российско-китайское разделение труда в ШОС воплощает в себе как логику реалистической силы, так и нормативную конструкцию многосторонности. «Двойной привод» двух стран в области безопасности и экономики не только обеспечивает стабильность и процветание евразийской глубинки, но и создает новую парадигму сотрудничества в условиях дефицита глобального управления. В будущем, с развитием цифрового Шелкового пути и арктических морских путей, ШОС должна стать центром управления, соединяющим сушу и море и связывающим Восток и Запад.

Библиография

1. Министерство иностранных дел. Саммит ШОС. Октябрь 2024 г. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gjhdqzz_681964/lhg_683094/jbqk_683096/201404/t20140430_9388210.shtml. (дата обращения: 10.04.2025).
2. Янь Сюэту. Передача мировой власти: политическое лидерство и стратегическая конкуренция. Октябрь 2015 г. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2015. 296 с.
3. Декларация о создании "Шанхайской организации сотрудничества". 15 июня 2001. Шанхай. URL: <https://rus.sectsco.org/20010615/1608450.html>. (дата обращения: 10.04.2025).
4. Отчет о внешних инвестициях и экономическом сотрудничестве Китая за 2023 год. Министерство торговли Китайской Народной Республики. 2023. URL: <https://data.mofcom.gov.cn/>. (дата обращения: 10.04.2025).
5. Dugin, Alexander. The Eurasian Mission: An Introduction to Neo-Eurasianism. Arktos Media Ltd., 2024. 222 с.
6. Цыганков А. П. Международные отношения: традиции русской политической мысли. М.: Альфа-М; Инфра-М, 2013. С. 117. (дата обращения: 10.04.2025).
7. Борьба с "тремя силами" является важной частью сотрудничества ШОС в сфере обороны и безопасности. 2017. Сайт правительства Китая. URL: https://www.gov.cn/jrzg/2007-08/11/content_713292.htm. (дата обращения: 10.04.2025).
8. О совместных военных учениях ШОС "Мирная миссия - 2021". 9 сентября 2021. URL: <https://rus.sectsco.org/20210929/782852.html>. (дата обращения: 10.04.2025).
9. Эксклюзивное интервью с бывшим генеральным секретарем ШОС Норовым: Расширение демонстрирует растущее влияние глобального Юга и поддерживает создание Банка развития ШОС. Экономическая сеть 21 века. 31 мая 2024. URL:

- <https://www.21jingji.com/article/20240531/f5aba4200223d5a256297e8dfa6a59ab.html>. (дата обращения: 10.04.2025).
10. Рахимов К. Х., Курылев К. П. Роль ШОС в обеспечении безопасности Центральной Азии // Издательские решения. Полицензии Ridero, 2018. С. 105-106. (дата обращения: 10.04.2025). EDN: XNPВОН
11. Российско-китайское сотрудничество в газовой сфере: современное состояние и перспективы развития в контексте реализации проекта "Сила Сибири". 4 марта 2025. URL: <https://magazine.neftegaz.ru/articles/rynok/882230-rossiysko-kitayskoe-sotrudnichestvo-v-gazovoy-sfere-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya-v/>. (дата обращения: 14.04.2025).
12. Глава Минфина Силуанов: более 70% расчетов между Китаем и РФ осуществляются в нацвалютах. 24 апреля 2023. URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2023/04/24/20281243.shtml>. (дата обращения: 14.04.2025).
13. Lo Bobo. A Wary Embrace: What the China-Russia Relationship Means for the World. A Lowy Institute Paper. Sydney: Penguin Australia, 2017.
14. Singh S., Singh B. Re-imagining the SCO's Geopolitical Expansion: Would It Be a Next SAARC? // International Studies. 2021. V. 58. № 4. С. 491-512. DOI: 10.1177/00208817211056750. EDN: GCCSPR
15. Лукин А. В. Россия и Китай в Большой Евразии // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 46-59. DOI: 10.17976/jpps/2020.05.04. EDN: ODOOAV
16. Дэн Хао. Двадцать лет политического сотрудничества ШОС: оглядываясь назад и глядя вперед. Синьхуанет. 2021. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2021-07/09/c_1211233538.htm. (дата обращения: 10.04.2025).
17. Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. Бишкек. 16 августа 2007. URL: <https://rus.sectsco.org/20070816/1609471.html>. (дата обращения: 10.04.2025).
18. Хартия Шанхайской организации сотрудничества. Санкт-Петербург. 7 июня 2002. URL: <https://rus.sectsco.org/20020607/1608561.html>. (дата обращения: 10.04.2025).
19. Устав ООН (полный текст). URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>. (дата обращения: 10.04.2025).
20. Чжао Лун. Постоянный рост ШОС обусловлен внутренними факторами. Глобал Таймс. 2022. URL: <https://hqtime.huanqiu.com/share/article/49fdsTZBoXP>. (дата обращения: 10.04.2025).
21. Министерство иностранных дел. Самаркандская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. 17.09.2022. URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202209/t20220917_10767328.shtml. (дата обращения: 10.04.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает дифференцированное сотрудничество России и Китая в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Учитывая наблюдаемое в последние десятилетия сближение России с Китаем, анализ особенностей взаимодействия в рамках одного из основных институтов указанного сближения, представляется крайне актуальным и имеющим высокую практическую значимость. К сожалению, сам автор не дал себе труд должным образом

отрефлексировать и аргументировать собственный теоретико-методологический выбор, но из контекста можно понять, что в процессе исследования применялись исторический и институциональный методы (при анализе истории института ШОС), концептуальный анализ (при изучении идеологической базы указанного института), некоторые элементы SWOT- и ивент-анализа (при исследовании основных сильных и слабых сторон ШОС как института организации сотрудничества России и Китая, а также основных событий, раскрывающих указанные аспекты), а также анализ вторичных статистических данных. Вполне корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты, обладающие признаками научной новизны и достоверности. Прежде всего, речь идёт о выявленных ключевых формах и причинах «разделения труда» во взаимоотношениях между Россией и Китаем в рамках ШОС, когда Китай берёт на себя экономические функции, а Россия обеспечивает безопасность организации. Кроме того, определённый научный интерес представляют выводы автора о влиянии сотрудничества между Россией и Китаем в рамках ШОС на систему глобального управления. Наконец, интересны (хотя и небесспорны!) рассуждения автора статьи об идеологических основаниях ШОС (как представляется рецензенту, влияние А.Г. Дугина на формирование концепции ШОС несколько преувеличено). В структурном плане рецензируемая работа производит нейтральное впечатление: её логика последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где ставится научная проблема и обосновывается актуальность её решения, но отсутствует теоретико-методологическая рефлексия, а также описание цели и задач исследования; - «Теоретическая база: Теоретические основы китайско-российского стратегического сотрудничества», где раскрываются идеологические (ошибочно называемые автором «теоретическими») основания российско-китайского сотрудничества; - «Разделение ролей: дифференцированное сотрудничество в области безопасности и экономики», где описано «разделение труда» между Россией и Китаем в рамках ШОС; - «Стратегическое значение: демонстрационный эффект в глобальном управлении», где выявлено влияние российско-китайского сотрудничества в рамках ШОС на систему глобального управления; - неозаглавленная заключительная часть, где резюмируются итоги проведённого исследования, делаются выводы и намечаются перспективы дальнейших исследований. Автору можно порекомендовать при доработке статьи всё-таки озаглавить заключительную часть. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, ошибочное написание слова «стратегия» в заголовке статьи с прописной буквы, несмотря на то, что указанное слово идёт после двоеточия; аналогичная проблема и в названии первого из содержательных разделов: «Теоретическая база: Теоретические основы китайско-российского стратегического сотрудничества» – мало того, что без необходимости повторяются слова «теоретический» и «база» («основа»), но и второе слово «теоретический» также написано с прописной буквы после двоеточия, притом, что заголовки следующих разделов написаны вполне корректно; или странные выражения вроде «безопасностный дискурс» (почему не «дискурс безопасности?»); имеют место и смысловые разрывы, например, первый абзац первого содержательного раздела посвящён описанию институционализации ШОС, а во втором абзаце автор без каких бы то ни было переходов сразу ведёт речь о моральном реализме Янь Сюэтуна, который стал «теоретической инновацией в китайской школе международных отношений» – какое отношение моральный реализм Янь Сюэтуна имеет к ШОС, выясняется лишь позднее, здесь же имеет место смысловой разрыв; непонятно также, почему в одних местах автор пишет слово «процент», а в других используется значок «%»; и др.) и грамматических (например, несогласованные предложения: «...Она нацелена на борьбу СО террорИЗМ,

сепаратИЗМ и экстремиИЗМ, незаконный оборОТ наркотических средств», «Россия в силу своего статуса учредителя и геостратегических преимуществ продолжает...» и др.; или ненужные запятые в предложении «Россия, через учения «Мирная миссия» и экспорт технологий, повысила эффективность...»; или опечатка в слове «незападный» в предложении: «...Построение "дезападного" регионального порядка с помощью таких механизмов...»; есть и другие мелкие опечатки, например, слитное написание двух слов в предложении «...У ШОС имеется однасушественная особенность...» и др.) погрешностей, но в целом он написан достаточно грамотно, на приемлемом русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 21 наименование, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. При этом есть некоторые странности и в библиографическом списке, например, работа А.Г. Дугина приводится не в оригинале, а в переводе на английский язык. Апелляция к оппонентам отсутствует в силу полного отсутствия теоретико-методологической рефлексии. К специально оговариваемым достоинствам статьи можно отнести довольно актуальную и интересную тему, выбранную автором для исследования, а также достаточно объёмный эмпирический материал, привлечённый для анализа.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью, несмотря на некоторые её недостатки, можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для политологов, социологов, специалистов в области мировой политики и международных отношений, а также для студентов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Международные отношения». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации после устранения высказанных замечаний.